

18+

Сергий Чернец

Эссе. Опыт рассуждения

*Сборник эссе
с рассказами*

Сергий Чернец

**Эссе. Опыт рассуждения.
Сборник эссе с рассказами**

«Издательские решения»

Чернец С.

Эссе. Опыт рассуждения. Сборник эссе с рассказами /
С. Чернец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906970-2

Сборник составлен так, что даны рассказы после эссе-рассуждений, как демонстрация того, о чем стоит подумать. Все рассказы исправлены и дополнены, и читателю будет над чем поразмыслить.

ISBN 978-5-44-906970-2

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

Эссе – (буквально) Опыт рассуждения	6
Человек и человечество	6
Невежество	9
Опыт и мастерство	12
Личность и общество	14
Душа и Сознание	18
Об Искусстве	21
Встреча с искусством, рассказ	25
Что такое счастье	30
Счастье (рабочее название), рассказ	33
Счастье и несчастье	36
Надежда	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эссе. Опыт рассуждения Сборник эссе с рассказами Сергей Чернец

© Сергей Чернец, 2018

ISBN 978-5-4490-6970-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эссе – (буквально) Опыты рассуждения

*Эпиграф: «Читая, ты должен основательно продумывать, чтобы прочитанное обратилось в твою плоть и кровь, а не было сложено в одной памяти. Как в каком-нибудь словаре-справочнике». —
Эразм Роттердамский.*

Человек и человечество

Что постановит страсть (чувство), – то непродолжительно, мимолетно; что определит разум, – в том ты век не раскаешься. – Так рассуждали в старину. Но человек противоречив по натуре и это понимали в самой далекой древности, – например, есть Веды (3 тысячи лет до нашей эры) и вот афоризм из них: «Не было и нет и не будет человека, достойного одного лишь осуждения или одной лишь похвалы».

Из современных рассуждений о Человеке можно (взять) посмотреть высказывания основателя целой отрасли науки – «аналитической социальной психологии», ученого, доктора философии – Эрика Фромма. Этот ученый философ увлекался психоанализом и занимался проблемами психоанализа в свете марксизма, фрейдизма, маркузианства и различных религий. Эрих Фромм разработал цельную концепцию человеческой личности. Он создал утопический проект строительства гармоничного, здорового общества при помощи целого арсенала гуманных средств и методов социальной терапии. Эти идеи он изложил во многих трудах, книгах, из которых важнейшими считаются – «Бегство от свободы», «Здоровое общество» (1955), «Искусство любить» (1956), «Современный человек и его будущее» (1959), «Душа человека» (1964), «Анатомия человеческой деструктивности» (1973), «Иметь или быть» (1976).

Вот его слова: «Наша моральная проблема – это безразличие человека (вообще) к самому себе». – «Мы создали чудесные вещи, но не смогли сделать из себя существ, которые были бы достойны громадных усилий, затраченных на эти вещи. В нашей жизни нет братства, счастья, удовлетворительности; это духовный хаос и мешанина (из религий, прежде всего), близкие к безумию...».

«Человек должен развивать свой разум, чтобы понять себя, своё отношение к другим и своё место во Вселенной. Он должен постигнуть истину, сообразуясь со своей ограниченностью и своими возможностями. Он должен развить способность любви к другим, как и к себе, и почувствовать единство всех живых существ. Он должен обладать принципами и нормами, которые вели бы его к этой цели».

«Человек может вступать в отношения с другими людьми по-разному: он может (+) любить или (-) ненавидеть,

он может (-) соперничать или (+) сотрудничать;

он может построить социальную систему, основанную:

на (+) равенстве или (-) на авторитете,

на (+) свободе или (-) насилии, —

но он должен так или иначе вступать в отношения, и форма этих отношений зависит от его характера».

«Человек не свободен выбирать между тем, чтобы иметь и между тем. Чтобы не иметь «идеалы»; но он свободен выбирать между различными идеалами:

(-) между служением власти, разрушению или

(+) служением разуму и любви.

Все люди «идеалисты», они стремятся к чему-то, выходящему за пределы физического удовлетворения. Различаются люди именно тем, в какие идеалы они верят».

«Человек не может жить без веры. Решающим для нашего и следующих поколений является вопрос о том, будет ли это рациональная вера (-) в вождя, машины, успех, – или (+) рациональная вера в человека, основанная на опыте всей нашей собственной плодотворной деятельности».

И почти, как заключение: «Человек – единственное животное, которое может скучать, быть недовольным, чувствовать себя изгнанным из Рая. Человек – единственное животное, для которого собственное существование составляет проблему, которую он должен разрешить и которой не может избежать. Он не может вернуться к дочеловеческому состоянию гармонии с природой; он должен продолжать развивать свой разум, пока не станет хозяином природы и хозяином самому себе».

Повторимся: человек по своей натуре очень противоречив: «Ни самые прекрасные, ни самые отвратительные устремления человека не заложены в нём биологически, от природы; все его устремления – это результат социального прогресса».

Такова уж человеческая натура: мы никогда не видим своего положения в истинном свете (или преувеличиваем себя или принижаем), до тех пор, пока не изведем на опыте положения ещё худшего, и, все-таки, никогда не ценим тех благ, какими обладаем, покуда не лишимся их. В этом случае – человек, это создание, по меньшей мере, недальновидное. Особенно, когда сам он берётся утверждать, что он счастлив, или полагает, что может жить своим умом, излишне самоуверенно.

Человеку не хватает мудрости успокоиться на достигнутом.

Самой поразительной особенностью человеческого поведения является демонстрируемая им огромная глубина своих страстей и влечений. – Даже при полном удовлетворении голода, жажды, сексуальных влечений – «он», человек, не остается удовлетворённым. В противоположность животным, у человека самые непреодолимые проблемы этим (удовлетворённостью) не заканчиваются, а только начинаются. Удовлетворившись физически – человек стремится к власти, или к любви (божественной, не земной), или к разрушению; он рискует своей жизнью ради религиозных, политических или гуманистических идеалов; и эти стремления как раз и составляют то, что определяет и характеризует особенности человеческой жизни.

Сегодня принято рассуждать всем и каждому. Нет ничего более привычного, чем рассуждать о человеке в его (родном) едином государстве и национальных отношениях, поскольку он связан с тем или иным обществом или по рождению, или натурализован в нём. Но вот рассматривать человека как гражданина Мира, проследить его родословную чуть глубже и увидеть основание и предназначение его в самой природе – это может показаться каким-то замысловатым и чрезмерно утончённым рассуждением.

А всё почему? – Потому что истину нелегко увидеть.

Ничем мы так не оскорбляем Истину, как чрезмерным обнажением её в известных случаях. С разумом происходит то же самое, что и со зрением, с глазами: для вещи (чтобы её рассмотреть) такого-то размера и такого-то фасона нужно столько-то света, а не больше – (ведь если больше, то свет излишний затмевает предмет, делает его размытым, а то и невидимым). Всякая чрезмерность вносит неясность и мрак.

Если есть Всеобщий Разум – то у него не может быть частных интересов, – то всеобщее благо, или благо целого, – это и Его благо, оно по необходимости одно и то же. И Он не может стремиться ни к чему помимо целого и ни к чему по ту сторону целого и не может быть побужден ни к чему противоположному Себе.

Сложно. Но стоит подумать.

Конец.

Невежество

*Невежество и страх, – как братья близнецы;
отец их гнет и рабства дух,
а мать – покорность своей доле.*

Мы знаем, так бывает в жизни, что всегда найдутся «эскимосы», которые вырабатывают для жителей «экваториального Конго» указания, как вести себя при самой страшной жаре, ничего о жаре не понимая.

Не обязательно бывать там. Но лишь тот, кто думает (мыслит, рассуждает), – тот имеет право действовать. А всё плохое (чудовищное) и безнравственное начинается по ту сторону разума, (когда разума нет) и это удел невежества. Ибо оно (невежество) делает человека равнодушным к миру, а равнодушие растет медленно, но неотвратимо, как болезнь, как раковая опухоль.

А невежественные люди бывают дерзкими, дерзость – это ипостась невежества. Мы часто встречаем людей, ученость которых служит орудием их невежеству (знание умных слов, терминов), – людей, которые чем больше читают, тем меньше знают.

Знание – не инертный и пассивный посетитель, приходящий к нам, хотим мы этого или нет. Знания влекут за собой действия, они проверяются опытом. И знание нужно искать, прежде чем оно будет нашим. Оно результат большой работы и потому – большой жертвы, времени, прежде всего.

Истинное знание состоит не в знакомстве с фактами, которые делают человека лишь предметом, носителем, – а в использовании фактов, которые могут сделать его философом.

Отсюда – любой мастер своего дела глубокий философ: крестьянин ли, знающий пашню и все тонкости жизни зерна, от семечка до колоса; горшечник, или печник, знающий тонкости глины, а глина разная (красная, белая) и по-разному замешивается и приготавливается для разных работ и предметов: для фарфора или для горшка, для скрепления кирпичей в печи и для обмазки её снаружи...

Невежество непременно связано с суевериями. Единственное лекарство против суеверия – это знания (уничтожающие суеверия), ничто другое не может вывести этого чумного пятна (болезни) из человеческого ума.

Это действительно болезнь, потому что с невежеством сокращается наша жизнь. Оно опасно. Невежество всегда обладает большей уверенностью, чем знание (знанию свойственно сомневаться); и только невежды могут с уверенностью утверждать, что науки никогда не будут в состоянии решить ту или иную проблему.

Давненько ученые говорят о коллективном разуме человечества. Но верится с трудом в коллективную мудрость невежественных индивидуумов. Большинство людей подвержено предрассудкам. А предрассудок – дитя невежества. Оно – как демоническая сила, и надо опасаться, что оно послужит причиной еще многих трагедий.

Суеверие, свойственное невежеству, – опасно, и допускать его существование нельзя, – в этом даже есть известная доля трусости. И относится к нему терпимо, тоже – не значит ли это навсегда примириться с невежеством, возрождать мрак средневековья? Суеверие ослабляет человеческое общество, оглушает. (Стоит подумать тут о религии: земля признана круглой не так давно (в 20-ом веке), а значит, все это время все верующие находились в страшном суеверии?).

Преступление, прежде всего – неразумие. (Не убей – не простая заповедь).

Кто стыдится признать свои недостатки, тот со временем будет бесстыдно оправдывать свое невежество, которое и есть самый большой порок. В человеческом невежестве считается

утешительным считать все за вздор – все то, чего человек не знает. Все неважно для невежды: зачем нам электричество и его свойства изучать... и в том же духе, как было в средневековье, когда все науки запрещались.

Иногда, разговор с невеждами более научит, нежели разговор с учеными. Невежда может задать больше вопросов, чем может их разрешить самый знающий человек.

Есть невежды среди писательской братии. Те, кто пишут витиевато-темно, либо невольно выдают свое невежество, либо намеренно скрывают его. Смутно пишут всегда о том, что смутно себе и представляют.

Человек суверен, потому что пуглив; а пуглив он только потому, что невежественен. Взаимосвязано.

Ученый может понять невежду, потому что он сам был таким в детстве, и, наоборот, невежда не может понять ученого, ибо никогда таковым не был.

«Не надо быть невеждою, но невеждою притвориться не худо бывает: с глупцом ни к чему быть мудрым, с безумным – быть благоразумным, а лучше с каждым говорить на собственном ему языке», – так говорили древние мудрецы.

Сказать придется вообще, об общем: Культура и её шлифовка. – Человек рождается дикарём. Воспитываясь, он изживает в себе животное начало. Культура создает человеческую личность, и чем больше культуры, тем личность значительней.

Пример: Культурная Греция вправе была назвать остальной мир варварским. Всякая неотёсанность – от невежества. Для культуры нужны, прежде всего, знания, но сама ученость будет грубоватой, коли не будет отшлифована. Изящны должны быть не только мысли, но и желания, и особенно речь.

Одни люди бывают от природы наделены изяществом внутренним и наружным, в мыслях и словах, в каждой части тела и в каждом свойстве души, это редкие экземпляры: как фрукты, плоды, не все бывают красивы и по кожуре, и по мякоти.

Другие, наоборот, бывают так неотёсаны, что все их природные качества, порой превосходные, меркнут из-за несносной дикарской грубости. Это можно видеть на подиумах конкурсов: красивые блондинки, тупые до невозможности, породили множество анекдотов.

«Незнание – не довод, невежество – не аргумент», – сказал один мудрый человек.

«Что такое красивый невежда, как не раскрашенный перьями попугай!».

Противоядием невежеству (как болезни) является образование (учиться никогда не поздно именно поэтому), которым в школах еще должны быть напитаны души молодых людей.

Невежество – состояние привольное и не требует от человека никакого труда; (а человек ленив) поэтому невежды исчисляются тысячами.

Самым невежественным оказывается тот, кто считает, что знает всё (и останавливается в своем развитии). Печальная участь ожидает того, кто наделен талантом, но вместо того, чтобы развивать и совершенствовать свои способности, чрезмерно возносится и предается праздности и самолюбованию. (Человечество не стоит в развитии знаний – об этом надо бы подумать). Такой человек постепенно утрачивает ясность и остроту ума, становится закоснелым, ленивым и обрастает ржавчиной невежества, разъедающей плоть и душу.

С невеждой о науках рассуждать, —

Что злак пшеничный в солончак бросать.

С тем, кто свои заблужденья возвел в правоту,

Лучше не спорь, нелегко исцелить слепоту,

Сердце такого подобно кривому зеркалу:

Всё исказит и в ничто превратит красоту.

Природа так обо всём позаботилась, что повсюду мы можем найти, чему учиться нужно.

К тому и дано нам искусство (богами ли, музами ли...), чтобы победить невежество. А невежество с давних пор – врагом искусства и было. У искусства нет других врагов кроме невежд, которые не понимают сути того или иного вида искусства, но борются с ним.

Невежество, как ночь ума
И ночь безлунная, беззвездная.
Оно как сон на очи человека
Накидывает шоры темные свои.

Поставив себе одну из целей надо стремиться к знаниям. Однако. Не стремитесь знать всё, чтобы не стать во всем же невеждой. Не знает крестьянин о космосе или о микромире частиц, мезонов, пи-мезонов. Но в своем труде он умножает знания настолько, что оказывается мудрее некоторых академиков.

Невежественными бывают только те люди, которые решают такими оставаться. «Под лежащий камень – вода не бежит». Если ты писатель – изучай грамматику языка, на котором пишешь, стилистику и всю историю писательства, чтобы в лучшем виде представить читателю свои мысли, которыми хочешь поделиться!

Невежество – это сумерки для ума,
а в сумраке рыщет зло,
пытаясь сорвать свою маску и истребить человечество.
Невежество – мать всех преступлений.

Конец.

Опыт и мастерство

Сказал мудрец: «Осел, знающий дорогу, стоит больше, чем прорицатель, гадающий наугад».

Любой предпринимающий дело в спешке, наскоро желающий достичь результата, не достигнет, ничего не сделает или сделает плохо. И, наоборот, кто осторожно, взвешивая факты, оканчивает дело, также, как и начал его, тот не потерпит неудачи.

Есть пример, который приводит один китайский мудрец:

«Земляной червь не имеет острых когтей и клыков, у него нет крепких мышц и костей, и все же на поверхности он находит пищу в пыли, а под землей он пьет подземную воду. Это происходит потому, что он весь – старание!»

Краб имеет восемь ног и две клешни и толстый панцирь, однако он поселяется в уже готовых ходах, сделанных угрями, другого пристанища у него нет. Это происходит потому, что краб нетерпелив. Отсюда, тот, кто не имеет желаний, не может обладать блестящей мудростью; тот, кто не отдается целиком своему делу, не будет иметь блестящих успехов».

Опыт – (всеми признанно) считается – самый лучший наставник. Упражнения рожают мастерство.

Поэт востока 12 века нам дает совет:

Вот тебе два дела, – сделай хоть одно из них,

Коль прославиться делами хочешь пред людьми.

Или то, что сам ты знаешь, передай другим,

Или то, чего не знаешь, от других возьми!

Опыт считался – матерью всякой достоверности. Знания, не рожденные опытом, бесплодны и полны ошибок.

Кто, опыт отринув, делами вершит —

В грядущем увидит немало обид.

Опыт говорит нам, что попустительство и снисходительность к себе – есть грех, как беспощадность к другим. Должно быть, всё наоборот.

Почему же опыту дается такой приоритет?

Воспитание человека начинается с его рождения; он еще не говорит, еще не слушает, но уже учится. Опыт предшествует обучению. И прежде чем приступить к возведению дворца Вселенной, сколько нам еще предстоит добыть материала из рудников своего опыта!

Из истории человечества мы черпаем опыт, на основе опыта образуется самая живая часть нашего практического ума. Разумное существо не имеет ничего вне опыта; опыт содержит в себе весь материал его мышления. Действительному времени принадлежит лишь то, что уже познано и стало принципом, необходимым основанием для новых, не существовавших явлений мира. Вот в этом случае возникает живая перспектива, порождающая следующую.

Опыт – это школа, в которой уроки стоят дорого, но это единственная школа для людей, где можно реально научиться жизни.

«Наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни» – эта фраза вырвана из текста стихов Пушкина. Но можно удивиться – почему многие пренебрегают опытом науки.

Или нам мало опытов страшных, начиная с древних времен:

Сократ погиб, выпив яд, – задумались ли мы – за что?

Погиб Джордано Бруно – и только в 1992 году дошло до убийцы-Церкви, что она не права (!): Земля все-таки круглая, признал Ватикан.

И то же нужно чтобы прошли века (!), чтобы мы признали – есть телепатия и интуиция, что много тысяч «ведьм», сожжённых на кострах, не стоили того! И снова Церковь виновата....

До сих пор – пренебрегая опыт поколений, идет война со здравым смыслом. Не нравится искусство – сносим памятники и барельефы. А науку объявляем ложью.

Великое наследие опыта нам надо изучать и не отказываться от него ни в коем случае.

Конец.

Личность и общество

Наша личность вырастает под влиянием множества больших и малых групп людей, в окружение которых мы входим. У всех нас есть друзья в детстве, мы находимся под влиянием коллектива школьного класса, и круг ребят нашего двора имеет значение, от мнения окружающих зависят и складываются наши интересы, представления о добре и зле. Так формируется наш характер.

Для формирующейся личности человека, наше окружение и круг наших друзей – это как зеркало, в котором мы видим свое отражение в восприятии других людей. Друзья дают оценку нашим действиям, мнение школьных товарищей оказывается тоже не менее важно для нас, и мы корректируем свое поведение, изменяем свои действия: мы терпим страх и не убегаем из темной комнаты, чтобы не прослыть трусом, мы не говорим правды учителю, чтобы не быть ябедой класса.

Чем в большее количество разнообразных групп человек входил на протяжении своей жизни, тем более обогащенным бывает его личность. В музыкальной школе свои интересы и свои могут быть друзья, в спортивной команде по футболу или другому спорту могут быть друзья, и все они приносят нашей личности свой опыт и свои отношения к миру.

Близкая и продолжительная дружба с другими людьми еще больше обогащает наш опыт: среди друзей могут быть размолвки и споры, и ссоры и разногласия, и примирение и прощение.

Но есть некоторые отрицательные стороны группового воспитания человека. В любой группе человек всегда испытывает на себе давление окружающих. Далеко не всякий может или хочет противостоять, или подстраиваться под это давление. Умение приспособливаться к окружению, уступать и соглашаться с мнением окружающих называется – конформизмом.

Конформизм не совсем однозначен.

С одной стороны – это плохо, когда человек всегда «прогибается» под окружающих, и поступает своим мнением, своими убеждениями, если они отличаются от убеждений большинства людей в его группе. И плохо, когда он действует по принципу – «я как все». В этом случае можно отучиться самостоятельно принимать решения, отстаивать свои интересы.

С другой стороны, в любой группе могут быть люди другого мнения, нет такого общества, где все бы имели одинаковые убеждения и принципы. Всегда в чем-то человек не согласен с мнением большинства. И получается – что тогда надо все время спорить и заводить конфликты. Но конфликтующий человек не уживется ни в одном коллективе.

Следует самый простой вывод: надо найти «золотую середину». И тут преодоление своего эго, преодоление себя.

В мелочах можно и уступить. Когда-то лучше бывает – промолчать. А иногда стоит, и убедить окружающих в своей правоте. По-настоящему бороться за свою точку зрения нужно лишь тогда, когда это имеет принципиальное значение, и другого выхода из ситуации просто нет.

Вот такой конформизм – называют «здоровым конформизмом». Будучи членом определенного круга друзей, коллектива, – следует уважать всех, кто в нем участвует. И одновременно надо заботиться о целостности и своей личности, нельзя позволить подчинить себя и свою волю воле большинства, и не растерять свои убеждения.

В любой группе есть проблема разделения ответственности. Если все участвовали в каком-то деле, то все и должны наравне нести ответственность за его результаты.

А есть толпа – общность безликих!

Это наиболее отрицательное влияние воздействия группы людей, образовавшейся спонтанно. Как правило, толпа – это большая неорганизованная общность.

Самое главное – это анонимность её составляющих людей. Каждый человек в толпе теряет свойства личности, так как он никому из рядом стоящих не известен и не интересен.

Человек уже не Иванов или Сидоров, которого все любят в семье и уважают на работе, а просто «человеческий индивид». Это делает каждого человека более безответственным (никто же ничего не узнает).

В толпе человек перестает отдавать себе отчет в своих поступках, он теряет способность анализировать ситуацию, да и не стремится к этому. А утратив самоконтроль, человек больше поддается движениям и развитию ситуации, заражаясь возбуждением толпы: все побежали – и я побегу, все закричали, и я закричу.

В другое время, чтобы заставить человека или небольшую группу людей (3 или пять человек) что-либо сделать, бывает нужно привести убедительные доводы. А сдвинуть с места толпу легко, – достаточно привести её в возбуждение сильными высказываниями (речью) и призывами из общих понятий, затрагивающих интересы большинства людей. О разумности дальнейших действий и о разумности аргументов можно не беспокоиться: за мир во всем мире, вперед... за счастье всего человечества, ура... – и толпа бежит и громит все что попадает на её пути, нисколько не раздумывая, что «мир» и «погром» – это противоположности друг друга!

Этими свойствами толпы пользовались все революционеры, многие политики и общественные деятели.

Подобный эффект наблюдается и во время массовых мероприятий: например, в эстрадных концертах и шоу. Представьте, что вы попали на концерт юмориста Задорнова. Публика хохотала над его «шутками», и вам было смешно, и вы хохотали. Но потом вы посмотрите запись его выступления, и вы не будете хохотать, иногда он говорит совсем грустные вещи: как то, что ЕГЭ разрушает образование... Дело в том, что причина вашего смеха была не в «шутках» артиста – вы заражались весельем толпы. Толпа – это заразная штука. Избегайте толпы и не становитесь одним из её винтиков!

Личность и общество, продолжение.

«Человек – общественное животное», – таково научное утверждение. И грубо говорят – «животное стадное». Поэтому и одной из основных потребностей человека является внимание окружающих к нему, чтобы его замечали, чтобы с ним общались, чтобы его не исключили из «стада», из общества. Недаром была казнь и было наказание во все времена – изгнание. Изгои страдали от отсутствия общения с себе подобными. И это не только от скуки, это от потери основной потребности души.

Потребность общения так высока, что у каждого народа есть традиции древние, как отмечать присутствие другого человека в их обществе. Чаще всего это форма приветствия. Принято здороваться со встречным человеком, увидев другого – улыбнуться ему, при встрече – пожать руку, или обязательно сказать пару слов пожеланий в добром – и всё это важно и всё это нужно.

Все обряды создают психологический комфорт, поднимают настроение и тому, кого приветствуют, и для того, кто приветствует становится спокойнее.

Сильнее всего от невнимания страдают дети. Страшным наказанием для ребенка бывает, – когда родители перестают разговаривать с ребенком, это самая суровая форма наказания. Такие способы воспитания могут нанести серьезные психологические травмы личности ребенка. Он только развивается и ему необходима информация, ему необходимо общение.

Все это важно и все это нужно знать, для того чтобы понять: как лучше понимать друг друга.

Важно для человека не только изначальное внимание к нему, но и важно, чтобы его понимали и правильно и положительно оценивали. То, как его понимают в общности, в которой он живет, и в которую он вошел, играет огромную роль для жизни человека.

Восприятие всегда субъективно, – то есть отражает весь опыт и традиции в обществе. Встречаем мы и оцениваем других, опираясь на опыт, принятый в нашем окружении. Поэтому один и тот же человек в разных обществах, с разной культурой выглядит по-разному.

У одних людей новый человек вызовет симпатию – то есть расположение, интерес, влечение, а у других – антипатию, неприязнь. Внешность человека играет тут не последнюю роль, а скорее существенно сказывается на восприятии: «встречают по одежке, ...» – не случайная поговорка.

Оценивая внешность люди непроизвольно извлекают из памяти образы похожих внешними чертами людей, происходит подсознательное сравнение, и черты того образа переносятся на встреченного. И те, кто напоминает нам приятных и добрых людей – сразу вызывают симпатию. И, наоборот, если у человека есть что-то общее с врагом, с плохим персонажем памяти нашей – то он невольно начинает испытывать к новому встречному антипатию.

Во-первых, – симпатию вызывает у нас человек, у которого есть что-либо общее с нами:

а) род занятий, работа похожая на нашу,

б) место жительства, или место рождения,

в) ситуация жизненная пережитая вами и тем человеком – болезнь одна и та же. Например, есть рассказ: когда вор, забравшийся в дом, болел артритом, у него рука не поднималась также, как и у хозяина, лежавшего в постели под дулом его пистолета, в результате разговора, позабыв о воровстве, они подружились...

Восприятие по признакам совпадения редко бывает осознанным, всё происходит на уровне подсознания. И в подсознании кроются причины симпатий и антипатий. Нами усваиваются стереотипы людского образа – упрощенное и обобщенное представление о чем-либо.

Например, считается, что полные люди – добрые, и увидев человека полного, мы начинаем иметь в виду заранее, что он добрый. Также со всем остальным: манеры поведения, и одежда, род занятий и социальное положение, и даже национальность – так же как внешность, овал лица и особенности носа и разрез глаз, воспринимаются под воздействием накопленного в подсознании опыта и стереотипов.

Носит очки – значит «ботаник», а потому зануда «ученый» чрезмерно. Рубашка застегнута под горло, на все пуговицы, – значит, закрытый, неконтактный, необщительный. Англичанин – воспринимается, как сноб, как «сер» или «лорд». А если девушка библиотечарша – то это серая мышка, «синий чулок» не любящая мужского общества. И так далее – стереотипов может быть множество разных.

Эти стереотипы могут быть и ошибочны. Может случиться, что именно этот очкарик – живой и веселый, душа компании и заводила. А у другого рубашка застегнута под горло только потому, что на шее порез от бритвы и так далее.

Вот почему важно общение, – разговор с новым человеком, чтобы правильно его оценить.

Первые впечатления играют свою роль и в зависимости от обстоятельств, в которых мы встречаемся и знакомимся с другим человеком. Если познакомимся на вечеринке, на концертном мероприятии, где вам понравилось, – то об этом человеке останется хорошее впечатление, ибо в связи с ним и вспоминаться будет вечеринка или концерт. Плохое настроение во время первого знакомства, может послужить причиной неприязненного отношения к новому знакомому. Первое впечатление, обычно, очень стойкое, и чтобы его в дальнейшем изменить, придется потратить немало усилий. Однако надо не забывать, что эти впечатления зависят от многих факторов и могут быть ошибочными.

Восприятия человека – начинаются и с мимики, есть даже «целая наука» физиогномистика. Мы «считываем» выражения лица и движения рук. Эти детали тоже важны в общении. Вряд ли понравится человек, махающий у вас перед глазами своими руками, хлопающий вас все время по плечу и по спине, и по другим частям тела (по коленке во время сидения). Психологическое состояние человека отражает и его поведение, и его разговор, речь.

На основе информации о психологическом и телесном восприятии строится предположение о самой личности человека. И тут есть опыт подсознания, из которого мы выбираем

похожий стереотип. Если первые выводы о личности нового знакомого были сделаны неверно, могут произойти разные недоразумения и наши отношения могут не сложиться.

Во-первых, нам мешает правильно оценить личность другого человека уже сложившееся мнение у окружающих: если мы слышали о нем, что он лжец, вам уже будет трудно ему верить.

Во-вторых, наблюдая поведение человека, мы можем сделать неверное заключение о мотивах его поведения. Так, можно подумать, что он раздражительный, а у него в этот день просто нестерпимо болит голова, от погоды (от повышенного давления).

В-третьих, мы, сложив однажды свое мнение о человеке, иногда не желаем его менять, даже под воздействием новой информации о нём. Например, ученику, который прослыл двоечником, сложно будет стать отличником, – учителю трудно поменять свое мнение. Так, предвзято судим мы и о человеке, однажды проявившем себя неадекватно.

И есть – обаяние. Это такое воздействие человека на другого, когда все факторы его поведения, его речь – приносят нам только положительные эмоции. Он и разговаривает также как мы, он и болел теми же болезнями и понимает наши страдания и так далее и прочее. Обаянием обладают люди порой неосознанно. Они подстраиваются под других людей с положительной стороны.

Чтобы быть обаятельным и милым, надо знать причины и следствия общительности. А под влиянием симпатий и по мере узнавания друг друга между людьми возникают близкие отношения.

Дружба – это один из видов отношений близких людей. Чтобы подружиться – надо понравиться.

Конец.

Душа и Сознание

Аристотель отмечал, что исследование души человеческой – это есть «... знание о наиболее возвышенном и удивительном».

В человеке много больше непознанного, чем в глубинах океана и в космических просторах бесконечной вселенной. В науке есть область, которая соприкасается с душой, – это психология. Само слово психея, в греческом языке означало – душа. Но наука, хотя и носит такое название: «изучающая душу», к самому предмету, к душе, мало имеет отношение. Потому что душа даже больше самого Сознания.

Сознание ближе к душе, но и сознание человека это еще не душа. Как определяет наука: сознание – это высший уровень отражения человеком реальности. Как оно работает? – Человек ощущает себя, благодаря сознанию, отделенным от окружающего, то есть все предметы и весь мир, не принадлежат к нам, к нашему природному телу. И мы можем игнорировать окружающее, приспособлять его для любых своих целей, жить без того или иного, жить с тем или иным: мир окружающий принадлежит нам, отдан в наше распоряжение. Вот что делает наше сознание.

Но сознание – это еще и накопление знаний о мире окружающем, которые с младенчества собираются в нем. А затем полное знаний сознание наше, может и передает эти знания, выраженные в знаках символах и словах, другим людям для дальнейшего их совершенствования. Сознание не стоячая вода в болоте, а текущая рекадвигающая, крутящая турбины прогресса. Сознание призвано работать и не работать оно не может, так уж устроена его природа. Именно благодаря сознанию человек выдвинулся из природы и животного мира на высшую ступень существования, благодаря сознанию человеку доступны воображение и речь. Человеческое восприятие мира, благодаря сознанию, обладает предметностью, а память – произвольностью и выбором (плохие вещи и события мы помним долго, а хорошее часто забываем). Мышление наше, также благодаря сознанию обладает абстрактностью и неистребимым стремлением к познанию всего и вся, даже самого себя.

Душа.

И вот, это самое сознание привело человека к тому, что он задумался о своей душе. Только на исходе 20-го века наука вплотную занялась этим вопросом, вопросами о душе:

1. Есть ли она у человека? 2. Какова она: из чего состоит? 3. И где она помещается в человеке?

По религиозным представлениям о том, что в момент смерти душа покидает тело, ученые решили зафиксировать это. Были созданы сверхчувствительные весы: и оказалось, что вес человека в момент смерти уменьшается. Учитывая всё, и последний выдох воздуха, и потерю электрического потенциала, – вес человека уменьшался на 3 – 5 граммов. Вот, казалось бы, – душа!

Эксперимент неоднократно повторяли, и каждый раз умерший весил меньше живого на 2,5 – 6,5 граммов, Разницу отнесли на счет того: кто сколько накопил в душе своей. Ученые предполагают, что это вес души. Так значит она есть! Это был ответ на первый вопрос.

На этом не остановились. Следующий вопрос: как она выглядит? – тоже, как будто, решен был учеными. С помощью ряда приборов в инфракрасном и ультрафиолетовом свете удалось зафиксировать, как в момент смерти от человеческого тела отделяется объект, похожий на яйцо. Размеры яйца конечно не большие, это не как некая аура, окружающая человека при жизни его. В некоторых культурах яйцо является символом жизни. Это был частичный ответ на второй вопрос. Потому что неизвестно из чего душа состоит до сих пор и нам, наверное, не узнать об этом.

И, кажется, был получен ответ на третий вопрос: где же помещается душа в человеческом теле? Раньше думали люди, чтоместилищем души является сердце. От сердца идут помыслы, в сердце таятся обиды, сердце тревожится о близких, сердцем любят друг друга. Но сегодняшние ученые исследователи полагают, что душа находится в мозге, рядом с сознанием и сознание иногда, может руководить душевными порывами, то останавливая их логически и здраво рассудив.

Конкретнее,местилищем души считается маленькая шишковидная железа – эпифиз. Ученые, считающие эту железу ответственной, говорят, что это всё, что осталось у человека от «третьего глаза», некогда располагавшегося на затылке. Существует гипотеза, что третий глаз помогал не только в круговом зрении, но и давал возможность человеку видеть сущность предметов, осматривая их как бы изнутри. «Третьему глазу» приписываются многие способности: он позволял, не сходя с места, попасть в любую часть света, приобщаться к тайнам мироздания, знать прошлое и будущее.

Ответив научным образом на вопросы, кажется, материализм победил.

Однако.

Человечество так многочисленно, что передовые знания, которые ведут прогресс и развитие, доступны не всем. И только меньшинство населения верит в материалистические истины. Большинство же никак не может оторваться от истин прошлого. По-прежнему – целые народы, нации, целые страны остаются верующими в Богов, в потусторонний мир, в мистику.

Посмотрите, как мы хороним своих умерших предков, отцов и матерей. Мы исполняем обряды древние, даже если живем и работаем в развитой стране с научными достижениями, с космическими кораблями, бороздящими просторы вселенной.

Похоронные обряды родились из тех же понятий о душе человека, которая, как надеется человек до сих пор, не умирает. Душа вечная. Так думали и думают почти все люди на земле. А вот уже о пути души после смерти предположения были самые разные. Огромный путь в тысячелетиях прошло человечество в своих воззрениях на посмертную участь свою.

По первым принятым обычаям, тело хоронили вблизи поселений, а душу умершего, чтобы она не беспокоила живых, с помощью обрядов направляли в загробный мир, о котором у каждого народа были свои представления.

Во многих языках одно и то же слово означало и душа, и дыхание. Это понятно, поскольку дыхание оставляло человека после смерти, и это легко связывалось с жизнью. Дыхание представляет облачко воздуха, незаметно переходящее в воздушное течение, а потом и в ветер. От образа летящего ветра очень близко до образа летящей птицы. Поэтому представление о душе, как о птице – тоже типично для древности.

Но у некоторых народов душа помещалась в некоторых частях тела: в сердце, печени или почках. И это был другой культ. Так в египетских захоронениях находят извлеченными из мумий внутренние органы, помещенные в отдельные сосуды.

Для ранних классовых обществ было характерно представление о том, что в загробном мире будут блаженствовать лишь знатные и богатые, а прочим дается такое же тяжкое и безрадостное существование. Фараонов и знать снаряжали в загробный мир с огромными сокровищами и с едой и прочим. Бедным же порой даже не хватало средств, чтобы сохранить в нетленности свое тело.

У многих народов в древности считалось также, что у человека много душ. Одна душа в дыхании, другая жизненная сила, еще есть души органов телесных.

В Древнем Китае, например, среди многих душ человека были две основных: одна из которых улетала, а другая оставалась возле мертвого тела и не исчезала пока тело полностью не разложится.

Австралийские аборигены полагали, что душа усопшего не умирает до тех пор, пока не исчезнет память о ней среди живых людей.

У Гомера, в Греции, души умерших – это тени, лишённые памяти и речи. Души слоняются по темному аду, но оживают после принятия крови, получают на время дар речи и вспоминают свое прошлое.

Древние люди верили, что в каждом человеке есть двойник. Он покидает тело временно, во время сна или обморока. И покидает тело навсегда при смерти его.

Какой сложный путь прошло человечество. И еще продолжает нести это бремя заблуждений и поверий.

Многие древние учения наделяли душой не только человека, но и все, что его окружало: зверей и птиц, камни и леса, озера и горы. Можно судить по-разному, что было вперед – или сначала люди наделили природу духами, и душой предметы её. Или то, что идея о человеческой душе породила мысль, что всё окружающее одушевлено.

Но на этом представлении о всеобщей одухотворенности природы основана идея – реинкарнации, или переселении душ. И это учение не только в Индии. Есть и в русских сказках примеры, когда умирала красавица, а на могилке её выросло дерево, березка, в которую воплощалась её душа. И подобные, когда дерево заменялось цветком розы и прочее.

В Индии учение о реинкарнации души развилось в сложное мировоззрение. Исполнение Законов касты своей составляет Карму, которая определяет участь каждого существа в мире. В награду за правильную жизнь получит человек повышение по пути Сансары, бесконечной цепи перерождений. За нарушение законов кармы, за злые дела душа может воплотиться в низшие касты, в животное.

Буддисты, которые тоже развивали эту же идею реинкарнации, отрицают наличие души совершенно.

Но признают, что тело наше – это не единственная составляющая человеческого существа. Вот они, буддисты, более всего приблизили или заменили душу Сознанием. Совокупность мыслей, поступков и черт характера человека, – после смерти распадается на отдельные элементы и вновь соединяется под воздействием Кармы для нового воплощения в теле человеческого же, в рожденном вновь человеке. У находящегося в Сансаре человека есть даже право выбора своих родителей: сознание его проходит устрашающие видения, в конце всего видит на земле пару зачинающую новую жизнь и может войти в нарождающуюся плоть. Это написано во многих книгах и довольно давно: «книга мертвых», например, как инструкция к поведению сознания после смерти.

Души как таковой нет, есть сознание – личность человеческая, которая передается из поколения в поколение.

Такую теорию перерождений могут подтверждать многочисленные факты «дежавю», – когда человек вспоминает события столетие и даже несколько веков ранее произошедшие. Он будто бы был в прошлой жизни тем человеком, о котором вспоминает сознание его, на самом деле недавно родившегося и в другом городе. Таких фактов «Дежавю» очень много по всему миру и это ставит в тупик не только верующих, но и ученых.

И тут вопросы возникают другие: Сознание или Душа? Загробный мир или Сансара и перерождение?

Вот к чему мы пришли. Душа, якобы найденная учеными, может оказаться совсем не душой. «Сознание – личность» из сложной версии Буддистов может оказаться правдой! А все обряды похоронные и поверья о загробном Рае и Аде, уже должны отживать себя. Какими бы не модными казались нам религии, они ничем не отличаются от религий пещерных людей.

Конец.

Об Искусстве

Что было первым в жизни человечества: рисунки в пещерах или музыка барабанов первобытных? Это вопрос вопросов. Но искусство появилось с самого начала, как человек стал разумным. Есть мнение: из всех искусств, музыка – самое человеческое и распространенное. Она, как подражание природным звукам возникшее, но приобретшее свои особенные черты, и несущее свои цели.

Шекспир о музыке сказал красиво:
Музыка глушит печаль.
Нет на земле живого существа
Столь жестокого, крутого, адски злого
Чтоб не могла хотя на час один
В нем музыка свершить переворота.
Кто холоден к гармонии прелестной,
Тот может быть изменником, лгуном,
Грабителем. Души его движенья —
Темны, как ночь, и как Эреб
Черна его приязнь. Такому человеку —
Не доверяй!

Музыка – (всегда была, как) утешение для опечаленного человека. Но в то же время и давно и на сегодняшний момент – музыка воодушевляет весь мир. Она снабжает души людские крыльями, способствует полету воображения. Музыка придает и жизнь, и веселие всему существующему.... Её можно назвать воплощением всего прекрасного и всего возвышенного. Музыка способна оказывать известное воздействие на этическую сторону души; и раз музыка обладает такими воспитательными свойствами, то, очевидно, она должна быть включена в число предметов воспитания молодежи. Вот с чего нужно начинать, знакомя человека с искусством.

Всё можно победить при помощи искусства, – и все печали у которых есть предел и страхи, и у которых нет пределов. Искусство, если не побеждает, то может смягчить всяческое страдание человека.

В искусстве была и есть свобода. Оно едино, на потребу, но видов его множество. Рождались новые искусства из подражания природе, но пока, никакое искусство не может превзойти мастерство самой природы. И поэтому, сады и парки, только чуть подправленные рукой садовника, относятся к искусству манипуляции самой природой! И в них является нам красота.

У искусства нет других врагов, кроме невежд.

Человек творил искусство всегда сам, но где дух не водит рукой художника, там искусства нет. Оно исчезает, когда заменяется на амбиции художника-творца.

«Живописец, смотри, чтобы алчность к заработку не преодолели в тебе чести искусства. Потому что, честь искусства – куда значительнее, чем честь от богатства, когда художник прославляется людьми за его произведения – и помнится в веках»., – как один из великих художников говорил.

Живопись развивалась и теперь она – равна поэзии, которую видят. А поэзия равна той же живописи, которую слышат.

Так от рисования и от живописи назван всякий творец искусства художником: писатель – художник слова, и даже кулинар – художник приготовления пищи.

Художник, творческая личность, подчиняется иному, более высокому закону, чем закон простого долга. Для того, кто призван совершить великое деяние, осуществить открытие, например, и/или подвиг такой, который продвинет вперед всё человечество, – для такого чело-

века подлинной родиной является уже не его отечество, а его деяния. Он ощущает себя ответственным, в конечном счете, только перед одной инстанцией – перед той задачей, которую ему предназначено решить, и он скорее позволит себе презреть государственные и временные интересы, чем – то внутреннее обязательство, которое возложили на него – его особая судьба, и особое дарование.

Пример тому художники Возрождения – тот же Микеланджело. Когда запрещено было религиозным обществом изображение природы и природы человеческой – он рисовал голые торсы людские, прославляя человеческие тела. И знают все примеры Галилея и Джордано Бруно, сожженного на костре – то были истинные художники науки – представившие взору человечества бесконечную красоту Вселенной и нашей Солнечной системы, красоту космоса!

Величие искусства в том и состоит, – в этой вечной напряженной раздвоенности, – сопротивление мифического старого мира, новому реальному:

Между красотой и состраданием,
Любовью к людям и страстью к творчеству,
Мукой одиночества и раздражением от толпы,
Между бунтом и согласием.

На гребне хребта, по которому идет вперед большой художник, – каждый его шаг, это есть приключение и величайший риск. В этом риске, однако, и только в нём, и заключается свобода искусства.

Каждое художественное произведение принадлежит и своему времени, и своему народу и своей среде. Искусство овладело всем. Искусство, как и природа, если вы не пустите его в дверь, оно войдет в окно. Для художника нравственная жизнь человека – это лишь одна из тем его творчества. Искусство выносит на свет все скрытые страсти человеческие на всеобщее обозрение. Этика искусства – в совершенном применении несовершенных средств.

Есть момент обязательный в творчестве, когда художник судит весь мир по своему разумению.

«Искусство жаждет самовластья
И души черпает до дна.
Едва душа вздохнет о счастье —
Она уже отрешена». —
Как говорил один поэт.

В искусстве нет заместителей-помощников, тем оно и отличается от всего. В производстве нельзя без заместителей и без помощников, но затем и создано и существует искусство, что человек тут – сам (один). Меняются приёмы творчества, но никогда не может умереть или устареть душа, тот дух, вложенный в создание произведения искусства.

В искусстве – свобода. Оно едино, но видов его множество. Оно долговечно, коль жизнь коротка. Оно всеобщее достояние, смягчающее нравы всех времен.

Искусство ревниво: оно требует, чтобы человек отдавался ему всецело, и как сказал поэт:

«Творенье может пережить творца:
Творец уйдет, природой побеждённый,
Однако, образ, им запечатлённый,
Веками будет согревать сердца.
Я тысячами душ живу в сердцах
Всех любящих, и значит я не прах,
И смертное меня не тронет тленьё».

Никакое искусство не может превзойти мастерство природы, но оно может восполнить её недостатки. Вот, в живописи – кто, нарисовав лицо, прибавляет еще кое-что, тот и делает уже картину, а не просто портрет.

Природа и искусство, – как материал и творение. Даже красоте надо помогать: ибо и прекрасное предстанет уродством, если не будет украшено искусством, которое удаляет изъяны и полирует достоинства. Природа бросает нас на произвол, (и в зной, и в холод) – прибегнем же к искусству – украсим себя в красивые одежды. А без искусства и превосходная натура останется несовершенной. Изящество нужно нам и не в одних только искусствах развлечений, но и во всех делах людских.

Земля, в конце концов, выветривается, и пыль улетает с ветром; все люди умирают, исчезают бесследно, – кроме тех, кто занимается искусством. Экономика и техника (как палка-копалка) тысячелетней давности кажется нам наивной, а произведения искусства (статуэтки, картины и архитектурные постройки) живут вечно.

Вот и скульптура имеет значительность: она не терпит шутовства и паясничества, не бывает юморна и забавна – мрамор не смеется.

Искусство заключается в том, чтобы найти необыкновенное в обыкновенном и наоборот, обыкновенное в необыкновенном. Смотрите на фигуры украшающие Храмы древности, – там есть всё: и необыкновенные демоны, и людские пороки (в Храмах фаллоса, например).

Существуют, есть некие правила настоящего искусства.

1). Каждое произведение искусства должно выражать собою какое-либо великое правило жизни, должно поучать, иначе оно будет мертво.

Художник работает от души: набросок – создание пыла (эмоций) и гения (озарения), картина – создание труда, терпения, долгого изучения и законченных знаний в искусстве.

2). Задача искусства – волновать сердца.

Живость ума – не слишком красит человека, если ей не сопутствует верность суждений. Не те часы хороши, что ходят быстро-быстро, а те, что показывают точное время. Так и в искусстве, все должно быть вымерено и точно, и у таланта это достигается интуитивно. Высшая похвала художнику, – это когда перед его произведением забывают люди о похвалах, воспринимаемая естественно красоту его.

3). Художник (должен) так изображает красоту души, что красота души придает прелесть даже невзрачному телу. Точно так же, как безобразие души кладет на самое великолепное сложение и на прекраснейшие тела какой-то особый отпечаток, который возбуждает в людях необъяснимое отвращение: красив портрет князя Дракулы, но его вампиризм известен убийством многих людей и красота его лика пугает людей.

Вот истинное величие искусства. Всё то, что чувствует наша душа в виде смутных, неясных ощущений – искусство преподносит нам в громких словах и ярких образах, сила которых поражает. Поэтическое произведение должно само себя оправдывать, ибо там, где не говорит само действие, вряд ли помогут слова оправдания.

Служенье Муз не терпит суеты – сказал Пушкин.

Искусство стремится непременно к добру, положительными или отрицательными образами: выставляет ли нам красоту всего лучшего, что ни есть в человеке, или же смеется над безобразием всего худшего.

«Если выставишь всю дрянь, какая ни есть в человеке, и выставишь её таким образом, что всякий из зрителей получит к ней полное отвращение, спрашивается: разве это уже не похвала всему хорошему (?), разве это не похвала добру?» – сказал еще Гоголь.

Отсюда надо любому художнику приложить свой ум-разум. Искусство без мысли, что человек без души – труп.

Искусство достигло огромных вершин: оно как высшая инстанция для решения жизненных вопросов человека. Обо всех страстях есть множество произведений искусства.

«... Не в одних стихах поэзия: она разлита везде, она вокруг нас. Взгляните на эти деревья, на это небо над головой – отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота и жизнь, там и поэзия!» – говорил Тургенев.

Есть свои радости в каждом виде творчества: всё дело в том, чтобы уметь брать свое добро там, где ты его находишь. Дороги, ведущие к искусству, полны терний, но и среди препятствий на них удастся срывать прекрасные цветы.

Цель личной выгоды у художника убивает всякое произведение искусства. Писатель может сделать только одно: честно наблюдать правду жизни и талантливо изображать её; все прочее – бессильные потуги ханжей. Произведение искусства – это уголок мироздания, увиденный художником сквозь призму определенного темперамента. Поэтому так различны рассказы и картины об одном и том же: как четыре Евангелиста по-разному изобразили жизнь Христа.

«Задача искусства не в том, чтобы копировать природу и/или жизнь человеческую, но, чтобы её выразить. Нам должно схватывать ум, смысл, облик вещей и существ и доходчиво передавать их людям!».

Конец.

Встреча с искусством, рассказ

В старые времена любая учеба не обходилась без насилия над учеником. И в древнегреческих школах в ходу были розги, учеников наказывали, заставляя учить правила, грамоту. Так и вся культура насаждалась насильственно во все времена – культура поведения в том числе.

И в относительно, исторически, новые времена, при строительстве «нового общества» (других методов не изобретая) не щадя ни своих (по языку) ни иноверцев, на большом государственном уровне новые власти насаждали свою культуру насильственно.

А для соблюдения всех правил власть не обходилась без чиновников, управляющих и контролирующих органов. Сколько бы свобод не провозглашалось: свобода слова, свобода мыслей, вероисповедания, – власть «нового счастливого будущего» (коммунизма), ограничивала всякую свободу, наказывая непослушных. И ради насаждения своей властной культуры во всех провинциях появились свои клубы, куда заезжали ученые-лекторы, чтобы читать публичные лекции о международном положении и прочем.

Тогда и все деревни были заполнены людьми, и в каждой деревне был свой клуб, где показывали фильмы и куда приезжали шефы, концертные бригады из городов. Колхозы в большинстве своём были дотационные. Потому что на своих прибылях жили редкие большие хозяйства, и то нужно было, по указке власти, помогать отстающим колхозам.

А народ при колхозах перестал хозяйствовать, но только научился воровать, даже не разумея этого. А чего же не взять мешок зерна? Хозяйство не обеднеет, – государство поможет: и семена для посева дадут, помогут отстающему колхозу!

Когда же, вдруг, «власть переменялась», – как в том же фильме «Свадьба в Малиновке» дед шапку-буденовку со звездой – то надевал, то снимал и прятал за пазуху, когда власть в деревне менялась с приходом бандитов, – деревни и села враз обеднели. Помогать уже никто ничем не хотел задарма. Всё стало стоить денег и денег немалых, а в сотни раз больших: если бензин стоил 7 копеек, а солярка вообще не мерялась, – то вот и 20 рублей и 30 рублей и уже 35 рублей цена одного литра бензина.

Куда было деваться народу? – туда, где больше средств – все потянулись в города. Деревни опустели.

Теперь мы можем видеть покинутые деревни. Часто в деревнях почти половина домов покинута своими хозяевами, полуразрушена, и темные окна без рам глядят на вас, как глазницы черепа. Оставшиеся обыватели-крестьяне – бывшие. Потому что крестьянами полноценно их назвать уже нельзя. Они за долгий период (более 70 лет) разучились работать на своих участках земли. В период колхозов всем растениеводством: посевами, сбором урожая, уходом..., руководили отдельные люди – агрономы, указания которых «крестьяне»-колхозники только исполняли. А когда агрономов не стало, за своим огородом бывший колхозник мог ухаживать только как любитель-садовод. Тогда как раньше, при царе «Горохе», каждый крестьянин знал агрономию и передавал её из поколения в поколение от отцов к детям; определяя, например, время посадки овса или ржи по состоянию земли народным способом: буквально, сняв портки садился на землю голой пятой точкой и чувствовал – идет ли «тепло земли». Не случайно поговорка: «задницей чую» – так землю проверяли «на спелость».

Нынче всякое знание уже позабыто. Обыватели ведут сонную, пьяную жизнь и вообще живут впроголодь, чем Бог послал. Пробавляются поставками продуктов в магазинах городов на скудные пенсии оставшиеся старики. Молодежь же на заработки уезжает в злые большие города.

Из более молодых людей, чуть моложе пенсионеров, немало бандитов и преступников, которые разбогатели в трудные времена переходного периода и которые и не скрывают своих профессий – обманщиков, по старому закону – спекулянтов. Они скупают за бесценно

у тех же крестьянских хозяйств, пытающихся заняться фермерством, продукты. И продают потом им же, крестьянам, в своих супермаркетах эти продукты втридорога, а то и вдесятеро дороже, упаковав в яркие красочные баночки, коробочки, кулечки с картинками, с издевательскими названиями: домик в деревне, бабушкино молоко... и так далее. Там бабушку ту же, буквально, грабят, а в супермаркете в этом, её же молоко по 2 рубля за литр купленное – ей же продают за 50 или даже за 80 рублей! Спекуляция.

Спекуляция возведена в ранг основной социальной политики общества. Спекуляция во всем достигла высот, и в культуре. А как же.

Спекулируют на самых низменных чувствах человека, чтобы заполнить концертные залы, театры и кино. Буквально 100 лет назад нельзя было и колени открывать при людях и опростоволоситься без платка, – то теперь платья стали с такими вырезами, что груди вываливаются и все трусы на виду.

А мужики о всякой чести понятия растеряли, дерутся везде и всюду, обижают и старого и малого.

Что до разговоров: все разговоры о деньгах, об сомнительных удовольствиях, да о жратве. О какой культуре речь? – история и культура, кажется, совершенно чужды людям – и Пушкин и Гоголь непонятны молодым особенно людям, поэтому и не нужны. Наша история стала скучна и человек культурный кажется иностранцем, из другой страны приехавшим, среди родного языка сверстников.

Так и в отношении религиозном и политическом в людях замечается полнейшее равнодушие. Ну, есть там Церковь и Бог бы с ней! – есть там другие страны с конфликтами, – те далеко в неизвестности. А те же священники – богачейшие люди, ездящие на дорогих машинах и живущие в двухэтажных роскошных коттеджах. Одного из священников я видел садящимся в роскошную машину, неприступного: у него рядом шли два телохранителя в черных костюмах; тут же мне рассказали (вездесущие всезнающие старушки), что он занимается своим бизнесом, содержит несколько магазинов в разных районах города, в которых торгуют выпечкой, у него и пекарня своя имеется.

Рыцарское обращение с женщинами, любовь к своим жёнам, остается лишь показушное, в телевизионных шоу-программах. Среди мужчин не считается зазорным не только изменять своим жёнам с платными проститутками, но не зазорно иметь любовницу, когда все приятели давно имеют таковых. Хотя ещё, приверженность моногамной любви – скорее выглядит предрассудком.

На фоне такой современной обстановки довелось мне заехать в этот провинциальный городок N.

У автовокзала весь район выглядел как большая деревня. В нем не было ни одной каменной постройки, а всё было представлено деревянными домами с огородами палисадниками вдоль дорог и улиц.

Сам городок виднелся вдалеке на высокой горе с домами пятиэтажками, среди которых несколько девятиэтажных дома-башни, отсюда снизу, выглядели, казались, небоскребами. К ним вела крутая хорошо асфальтированная дорога с высокими бордюрами с одной стороны, с той по которой вровень с бордюрами проложен был пешеходный тротуар. Тротуар широкий асфальтированный и с лавочками со стороны домов через каждые 150 или 200 метров, на которых старички могли отдохнуть, поскольку в гору идти было довольно трудно. Всё бы ничего, – но пока я «взбирался» на гору с сумками в руках (о! ужас) – меня окружали тучи комаров, буквально тучи, в темнеющих сумерках, в отражении закатного багрового света, перед лицом было темно от них. Я думаю, что если б остаться посидеть-отдохнуть на лавочках под открытым небом, не используя средств от комаров, которых я по незнанию не имел, то можно было погибнуть или, по меньшей мере, сойти с ума.

С такими мыслями я и подошел к дому на две семьи, к одноэтажному барaku, разделенному надвое; и палисадник-огород перед ним тоже разделен был серединным штакетником пополам. Я застал изящно приодетую (возможно к моему приезду) тётю Свету. Пожилую женщину, к которой меня просили зайти и передать ей посылочки.

В её квартире на всех окнах, затянутых марлей с уличной стороны, как я заметил ранее, ещё висели плотные шторы, закрывающие свет. Но комары всё-таки были в комнате, и жужжали в прихожей по темным углам у потолка. Я было спросил об этом, на что тетя Света махнула рукой, – что она уже к этому привычна. Тогда я подумал, что надо бы купить какой-нибудь фумитокс.

В комнате обстановка не богатая, но в убранстве чувствовалось что-то милое и сервант, в котором фарфоровые фигурки напоминали о детстве. На стене над кроватью висел знакомый ковер с оленями на полянке, какой был во многих семьях и у нас. Мы жили раньше в соседнем таком же баракe, и дружили семьями, пока отец не получил квартиру в другом городе, где работал, далеко от родного поселка. Со временем поселок получил статус города, хотя городом я его не помнил (считал его посёлком). Висели по стенам какие-то этюды-картины, женская голова, нарисованная карандашом, – молодая тётя Света. Оказывается, муж тётки Светы был художник, а я его почти не помнил.

И был вкусный ужин и откровенный разговор, тётя делилась с «племянником» своими воспоминаниями.

У каждого человека что-нибудь спрятано, чем можно поделиться только с близкими людьми. Под старость тётушка осталась совсем одна, поэтому и была столь многословна, переключаясь в рассказах неконтролируемо с одной темы на другую.

Как будет лежать человек в могиле один, так в сущности и живёт он в последние годы одиноким. Память на старости лет иногда путается, забываются и подробности событий, и человек старый, желая дополнить точностью свои воспоминания, прибегает к сочинению невольной лжи. Но ему верит молодое поколение, потому что ложь говоритсЯ с авторитетом «старомудрости». Что бы ни придумывал пожилой человек, остается основное, – то самое «мудрое зерно», которое вне чувств человека. Старики теряют зрение, слух, могут утратить некоторые физические воспоминания, но «мудрое зерно», тот дух, это нечто иное вне всех физических чувств, оно в стариках остается жить.

Человеку, только начинающему свой путь – жизнь кажется великой, громадной, а сам он сидит на своем маленьком пятачке. О чём знают все старики и говорят об этом, – это о том, что нужно прежде всего всё устраивать. А молодежь слушает стариков с недоверием и всегда куда-то стремится – ввысь, в далекие страны и прочее. Но чаще всего мечты о дальних странах остаются мечтами. **вокруг себя**

От тётушки услышал я знакомую с детства историю, с подробностями воспоминаний, про дядю, который семнадцатилетним пошел на фронт, воевал и два раза побывал в плену у немцев, в Великую отечественную. Он оба раза убежал из плена. Тётя Света вспоминала, что встретились они, когда дядя учился в Художественном училище и подрабатывал при театре художником-оформителем сцены, а она приняла его за артиста....

После того, когда они поженились, дядюшку признали «врагом народа» – за то, что он немцам в плен, якобы, сдался сам. 10 лет он отбывал в Коми республике, и там перемерз, но вернулся в 53-ем. Однако и после смерти Сталина снова он попал в немилость властей, и ему указано было выселиться на 101-й километр. Так они поехали в этот дальний край: – По доброй воле сюда не заедешь! – сказала тётя Света. Тут из ближайшего крупного города дядю тоже «попросили», – нашли ему место в этом посёлке. Работал он при клубе, который преобразился в ДК – дворец культуры по мере того, как посёлок разрастался и во всём этом дядя принимал активное участие; он даже занимал пост заместителя директора нового Дворца Культуры.

Но под конец знакомых мне воспоминаний тёти Светы, я услышал совершенно неизвестную, скрытую историю про дядю-художника. Занимаясь своей работой при Дворце Культуры, он рисовал рекламные большие плакаты к фильмам, которые шли в кинотеатре, к спектаклям в театре, оформление сцены тоже лежало на нем.

А кроме того было у него увлечение, хобби, которому он посвящал всё своё свободное время.

– То, что в нашем городке N с важностью зовется «заводским производством», только с внешней стороны обставлено красиво и шумно, – начала рассказывать вкрадчивым тоном, будто приоткрывая тайну, тётя Света. – Этот «Завод» не имел серьезного значения. Поначалу, это были литейные мастерские и кузница. А ты видел ворота на въезде в заводскую территорию? Это «резные», кованые рисунки и фигуры людей, работающих с молотом на наковальне – их изготовил дядя-художник по своим рисункам-эскизам. Его, конечно же, немного учили мастера кузнецы. А затем он стал заниматься художественной ковкой постоянно, был частым посетителем, «своим», в кузнечном цехе разрастающейся литейной мастерской. Превратившейся теперь в Завод.

Изготавливали, и до сих пор выпускают массово, на нашем «заводике» печные дверцы вместе с задвижками, а на дверцах, снова по рисункам дяди-художника отлиты изображения – фигурки лошадей с развевающимися гривами, цветы и узоры. Ещё отливают крышки для канализационных люков.

А ещё, дядя сделал также ограждения из кованого железа, которые стоят в центре города, отделяя проезжую часть от тротуара, – на них кованые розы. Поступали заказы на кладбищенские оградки, и дядя предлагал заказчикам свои рисунки, по которым изготовливал эти оградки. Кроме этого, из железа, кованный, стоит и украшает наш парк памятник – фигура девушки, окруженная цветами. Ещё есть два фонтана с фигурами, изготовленными дядей-художником. Ой! Сколько сделал дядя заказов из других городов... – рассказывала мне тётя целый вечер.

Оказалось, что эта сторона жизни, и работы художника осталась никому неизвестная.

После этого тётя Света доставала альбомы с рисунками, с эскизами, карандашными набросками и весь вечер, до самой полуночи мы рассматривали их с пояснениями и рассказами тёти Светы: где они стоят, где находятся изготовленные оригиналы.

На другой день, прежде чем уехать из города детства, я прошел по всем его улицам. Побывал в парке и полюбовался работами дяди-художника, который часть своей жизни потратил на украшение города. Побывал я и на кладбище, посетил могилы своих знакомых, и там я увидел прекрасно исполненные кованые оградки.

Мне пришли на ум, вспомнились знаменитые слова Пушкина: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный (перед собой я видел иной памятник, – рукотворный как раз), к нему не зарастет народная тропа». Тропа на могилы своих родителей на кладбище действительно не зарастает, особенно к таким могилкам, оформленным такой красоты оградками.

О славе

Хрестоматии полны успешных и достойных деяний, – о разумных поступках говорится мало, и разум ещё не прославляется ни одним историком. О простых и разумных деяниях мы часто забываем.

Подальше от рынка и славы уходит всё великое и хорошее: в стороне от рынка и славы жили всегда изобретатели новых ценностей.

Слава – она как тот же яд, бывает полезна человеку в небольших дозах. И слава – товар невыгодный. Стоит дорого, сохраняется плохо. Из всех родов славы самая лестная, самая великая, самая неподкупная слава народная. (На памятниках было запечатлено имя дяди-художника, и народ знал это имя, не подозревая, что художник жил тут же, рядом с ними). Быть

в мире и ничем не обозначить своего существования – это кажется для любого таланта ужасным.

«На земле, где всё изменно,
Выше славы блага нет» —
сказал еще поэт Тютчев.

И тот же Пушкин, возражая сам себе, однажды провозгласил:

«Что слава? Яркая заплатка
На ветхом рубище певца».

И он же, Пушкин, призывал к другому:

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

(Поэтому я обрадовался, что на входе во Дворец Культуры, в ДК, на стене была установлена доска с изображением дядюшки: здесь работал знаменитый художник...).

Высшая похвала художнику – это когда перед его произведением забываешь о похвалах, – сказал один из великих и известных людей, где-то прочел я ранее.

О славе говорили многие и много хорошего:

Желание прославиться порождает таланты, соревнование талантов – производит гениев, – что интересно.

Любовь к славе, по-простому, есть желание понравиться себе подобным. Желание славы свойственно всем людям. Мы как бы умножаем свое существо, когда можем запечатлеть его в памяти других.

И унция славы весит намного больше, нежели фунт жемчуга.

Бессмертие животных – в умножении потомства, бессмертие человека же – (в другом), во славе, заслугах и деяниях, оставленных для потомков.

А самый краткий путь к славе прост – это делать по убеждению своей совести то, что делаем мы не ради славы – трудиться на своём поприще.

Слава «в руках» труда.

Конец.

Что такое счастье

Вступление. Виток эволюции (парафраз).

Да, ничего не поделаешь – мы становимся «стариками», это те, кто родился еще при старых порядках, и нам трудно привыкнуть к этому «двойному существованию», – в современном смысле слова.

Действительно, вся современность и говорит-то на другом отличающемся языке: всё связано с некоей «научно-технической революцией». Уж, пусть простится мне мое невежество: что такое – эта научно-техническая революция? Вроде бы я не последний безграмотный среди людей, но я не знаю до сих пор. Все говорят, как о само собой разумеющемся, будто каждому ясно как дважды два и просто неприлично будет спросить: что это такое? Всем кажется, что это нечто новое, совершенно невиданное, непохожее ни на что!

Однако, при всех обстоятельствах, надо приглядеться и понять. Ведь не вывелся еще новый подвид человека, чтобы жить в новом мире. И всё это движение – оно не столько новое, сколько хорошо забытое старое, хоть и приходится решать новые проблемы.

Чтобы что-то понять, надо с чем-то сравнить. И с чем всегда сравнивало человечество? С опытом, уже имеющимся! С историческим опытом.

В большой книге истории человечества много вырванных страниц, есть забытые исторические события, неизвестные нам. Но, тем не менее, всегда в книгу истории заглядывает человек, как школьник в учебник. С прошлым сравниваем, чтобы лучше понять настоящее, предвидеть будущее.

Итак, если полистать книгу истории, те страницы, которые перевернуло время, окажется, что сегодняшняя глобальная тревога – сможет ли планета прокормить стремительно плодящееся население? – уже бывала в истории и повторялась не раз.

Угроза гибели всего человечества периодически нависала и кризисы эти, были довольно серьезными. Человечество спасалось единственным способом: «техническим прогрессом». Например, взял человек палку и прикрутил к ней острый камень – получилось копье. Или вот, – изобретение плужного лемеха дало толчок развитию сельского хозяйства, а следом вновь росло население земли. Только раньше эти периоды измерялись тысячелетиями, а сейчас всё стало быстрее и ужасней, чувствительнее.

Объяснение кроется в ускорении времени. Это замечено было учеными давно, что время имеет свойство ускоряться к концу истории. Всегда так: начинаешь ждать чего-то, хоть автобуса на остановке, хоть друга, опаздывающего на назначенную встречу – время идет медленно, прямо тянется. Но в другие моменты легко заметить, что время ускоряется к концу какого-либо мероприятия. Например, к закрытию, к окончанию работы, если ты спешишь, то и время спешит, и ты едва-едва успеваешь, а то и не успеваешь, – секунды просто бегут как сумасшедшие. Сравнения всякий человек может сам привести, какие он сам наблюдал, все видели это.

Показательны в этом отношении песочные часы, – переворачиваем, и песчинки сыплются из полной верхней половины медленно в пустую нижнюю половину часов. И медленно убывает количество песка вверху. Но когда перевалит за половину и вверху станет меньше песка, – вдруг, ускоряется ход времени (?) – песчинки быстрее убывают, падают с удвоенной скоростью. А когда останется мало песочка он просто за секунду весь высыпается вниз – так резко и быстро, что можно подумать время ускоряется до скорости света.

Странное это явление – такое ускорение времени перед концом. Приводит к размышлению, что человечество близится к своему концу. Ибо ускорились все процессы в человеческой цивилизации, во всех областях деятельности. К концу времени существования происходит ускорение – это неоспоримый вывод. Почему так происходит – это другой вопрос, но что это есть – точно и верно.

Отсюда вывод: если все процессы ускорились: процессы получения информации – раз, процессы научно-технической революции – два. Времени не хватает, даже жизни, некоторым ученым, чтобы завершить свои труды. Всё говорит о том, что время ускорилось. А ускоряется оно когда (?), – в конце, то есть при окончании процесса, – в данном случае существования человечества.

Часть вторая от вступления

Искусство даёт отражение жизни. Но, существенная разница между человеком в жизни и героем литературного произведения.

Приближение к жизни в искусстве имеет свои законы: крупнее становятся отдельные черты, которые выделяет автор, но расплывчатей остается целое. «Лицом к лицу лица не увидеть...», как сказал поэт, и в этом опыт искусства.

Вряд ли математик, микробиолог или инженер станут искать решения своих специальных проблем в романе или пьесе. И организатор производства не должен учиться работать по произведениям искусства.

Достаточно того, если искусство помогает формированию человеческой личности, духовного мира человека, а это немаловажная функция.

Искусство также дает те дорогие счастливые минуты, когда до озарения и открытия очень близко. И конечно, важная функция искусства – это научить и не дать забыть человеку нравственность и чувство совести. В последнее время про совесть забыли, о совести не говорят и детей не учат быть совестливыми, – это большое упущение искусства.

Совесть считается – странностью характера человека. Но может быть, мы просто не набираемся смелости сказать, – что это не совсем странность, а что-то такое, чего нельзя лишиться насовсем!!

Для примера можно напомнить малоизвестный теперь рассказ Шукшина «Чудик», в свое время так названный известным писателем и режиссером.

Событие в рассказе неординарное, такое происходит очень редко: Чудик этот поднял в магазине пятидесятирублевку, подумав, что кто-то потерял. Посмеялся он еще над тем, кто ее потерял и отдал продавцу: мол, если спросит кто, – верните. А потом он с ужасом обнаружил, что это его деньги выпали из кармана... И он не нашел в себе смелости вернуться и как-то забрать их у продавщицы. «Совести не хватило!». Эта фраза сегодня воспринимается, наверное, одинаково всеми: «Ну, глупо же, верно? Глупо!». Но почему-то герой произведения, вот такой совестливый – симпатичен! И жаль его. И есть что-то за всем этим большее. Конечно, другим характерам цельнопоставленным – такие слабости, такие странности чужды.

В искусстве и в литературе, в том числе, изображают героев, всегда твердо устремленных к цели, и целесообразность для них одно из ведущих начал. Но когда вот так прямолинейно рассказан сюжет, всё произведение, упрощенно, кажется задачей, решенной арифметическим способом – это тоже большое искусство. Однако и великие произведения мировой литературы можно пересказать так, что всё в них покажется нарочно подстроенным, составленным и специально подводющим к назидательному выводу.

Сила гуманистической литературы в том и состоит, что лучшие её произведения написаны так, будто они не сочинены и не придуманы. Будто писатель просто записал то, что происходило в жизни, документально точно. Именно такую иллюзию и создаёт настоящее искусство: словно это не искусство перед нами, а сама жизнь.

Однако, вот что удивительно: когда писатель изображает «людей из жизни» – получается «произведение искусства». А когда эти «люди из жизни», обнаружив потребность, сами рассказывают о том, что они знают – тут «искусством» и не пахнет.

Получается это по простой причине, по причине отсутствия как ни странно. Всему и во всём нужна учёба. Грамотно писать сегодня многие умеют, и литературно грамотно пишут. Но талант не в этом. **таланта и учёбы,**

В задачу писателя не входит «преподнести в литературной форме» то, – что за него видят в жизни люди. Писатель – это не писарь, не тот единственный грамотей на селе, как раньше, когда приходили к грамотному дьячку диктовать письма. Теперь письма каждый пишет сам. А вот книгу пишут для других целей.

Писатель пишет для того, чтобы высказать свои убеждения, поделиться своими мыслями. И важно, и хорошо – если эти новые мысли в образах важны и нужны людям, если в них отражается время.

В том и сила подлинного искусства, – что, рассказывая правду, показывая и жизнь, и труд, такими, какие они есть на самом деле, – искусство способно пробудить в душах людей, особенно молодых, не имеющих опыта жизни, – не робость, не приниженность, а готовность самим всё пережить, если потребуется, всё вытерпеть и одолеть в жизни. Правда – это она воспитывает мужественных людей, а ложь может воспитать предателей. Только правда выражается в подлинном искусстве.

Современный человек с детства привыкает к грандиозным цифрам, уверенно оперирует с сотнями тысяч, миллионами, миллиардами. Это касается всего на земле: и запасы нефти, и население земли, и финансовые потоки всё в больших цифрах. Поэтому в сознании людей складывается картина, которую не в силах поколебать цифры низкого порядка: единицы. Это до тех пор – пока единицей не окажется сам человек. Тут может наступить прозрение.

Именно поэтому каждой своей книгой литература обращается к каждому из нас по отдельности. Она говорит: «Смотри, судьба этого человека могла быть твоей судьбой. Только поняв, что пережил герой произведения, поняв и всю меру того, что он изведal, – ты поймёшь время и мир, который тебя окружает. Ты должен это знать». Книга обращена к каждому.

Счастье (рабочее название), рассказ

Эйфория – это блаженное чувство бодрости и благополучия, так что лучшего названия не придумаешь. Это счастье временное, минутное, но постоянного счастья человек не сможет достигнуть никогда, хотя к этому стремится всегда. Поэтому мечта о счастье была, есть и будет.

Что такое счастье? – это один из вечных вопросов, остающихся без разрешения. Такой же, как вопрос о любви.

Почему-то мы, русские порядочные люди, питаем пристрастие к этим вопросам. До сих пор и о любви, и о счастье сказана только одна правдивая мысль, и то, – она сказана в Писании, в Библии: а именно, что «тайна сия велика есть». Правда, это сказано про другое, это о Церкви и о Боге. Но так и неизвестно остается – что такое счастье.

Также неизвестно: кто такой – Бог, и что такое Церковь. Если «Бог есть любовь» – по Писанию, то любовь – это Бог, то есть кумир, идеал, идол! А нельзя же поклоняться идолу (любви самой), идолопоклонство запрещает Вторая заповедь той же Библии. Церковь в этом отношении является организацией, регулирующей эти противоречивые «законы» Писания. А закон, как известно, – «как дышло, куда повернут туда и вышло»!

Когда Любовь мы возводим на место идола, тогда и бог превращается в то, чему нельзя поклоняться, ведь Он – есть Любовь! Когда надо было для дела, можно было и так сказать. И Церковь говорила так, и сжигала неудобных на кострах инквизиции.

Поэты и писатели других стран обыкновенно поэтизируют любовь, украшают ее розами, соловьями... Мы же, русские, украшаем нашу любовь этими роковыми вопросами, и притом выбираем из них самые неразрешимые.

Так что вопрос о счастье – очень сложный вопрос.

Я знал одного счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась, который достиг цели своей жизни. Он получил то, что хотел, он остался доволен судьбой и самим собой. «Остался» – значит в прошлом, потому что, как только достиг счастья, так и умер. Но умер счастливым.

Часть 1.

С утра было прохладно. Это лето не было жарким. И сидя на зорьке у реки я немного замерз. К вечеру вообще начал моросить мелкий дождик. Я заметил огонь костра на заливных лугах ниже по течению реки, там останавливались пастухи на ночь с лошадьми, их в нашем колхозе было больше двадцати. И я пошел к костру погреться.

В «ночное» дежурили и молодые ребята, но «старшой» был старый конюх, на вид лет восьмидесяти. Он лежал на животе у самой дороги, положив локти на пыльные листья подорожника, обеими руками подпирал подбородок и вглядывался куда-то в даль поля. Вокруг костра сидели и лежали трое молодых парней.

Один с густыми черными бровями, безусый, одетый в брезентовую курточку и темную рубаху лежал на спине, положив руки под голову, и глядел вверх на небо. Над его лицом тянулся Млечный путь, и дремали другие звезды...

Кони топтались тихонько в траве вдалеке от костра. На фоне светлого неба с востока, откуда надо было ожидать появления зари, там и сям видны были их силуэты: кони стояли и, опустив головы, о чем-то думали.

Их мысли, наверное, были длинные и тягучие, и угнетали их до бесчувствия, так что стояли они, как вкопанные, не замечая ни присутствия чужого человека, ни беспокойства собак. А собаки, заметив мое приближение, известили хозяев лаем.

Старик прикрикнул на собак и они, завиляв хвостами, отошли и прилегли, настороже, поглядывая на меня.

– Привет. Никак из Макаровка местной? —

– Да. Тутошний я, только не живу здесь, из города приехал в отпуск. —

– То-то я вижу. Не узнаю, чей же ты? —

Я ответил. И старик, узнав моего деда, обрадовался, они друзьями были в свое время с дедом моим. С близким легче общаться, с внуком друга тем более. Так началось общение в тишине ночи.

В сонном, застывшем воздухе стоял монотонный шум, без которого не обходится летняя ночь в природе. Непрерывно трещали кузнечики, пели ночные птицы – неожиданно начиная и так же неожиданно обрывая небольшие свои песенки, да в стороне от поля, на опушке леса, в кустах, лениво посвистывали молодые соловьи.

Большая грязная собака, лохматая, с клочьями шерсти у глаз и у носа, вдруг неожиданно, с хрипением залаяла в темноту ночи, в сторону лошадей. За ней убежали и обе молодые гладкие собаки.

– Взять! Взять! – крикнул вдогонку старик, приподнявшись на локте и махнув рукой.

– Прогонят волка, если что, – сказал он, со старческой улыбкой открывая свой провалившийся беззубый рот. Когда собаки успокоились, старик принял прежнюю сидячую позу и сказал спокойным голосом:

– А вот в соседней деревне колдун помер, не к ночи будет сказано, для страха. Не боитесь страшных историй? – обратился он к молодежи.

Молодой пастух, лежавший на спине, повернулся на бок и пристально, подняв свои густые черные брови, поглядел на старика.

– А я слышал, как ведьмы из печной трубы вылетают и летают. Может, и колдун тот летал? – спросил он.

– Слышать не слышал, видать не видал, Бог миловал – сказал старик, – а люди рассказывали.

Старик как будто что-то вспомнил. Он быстро поднялся на колени и начал говорить быстрой скороговоркой, своим беззубым ртом, – получалось глухо, как говорение в нос.

– Шел я раз берегом, сюда в Макаровку. Гроза собиралась, и такая буря была тогда, меня застала около сараев соседней деревни, где колдун-то жил. Поспешил я что есть мочи, гляжу, а по дорожке у кустов черемухи, она теперь большая как деревья, а тогда кусты были в цвету, – идет белый конь. И думаю: чей это конь? Зачем его сюда, за деревню занесло. Пока думал, подхожу ближе – только бац! – а это не конь, это Колдун в белой рубахе мокрой. Свят, свят, – перекрестился я, а он глядит на меня и бормочет, глаза выпучил! Испугался я тогда сильно! Мы рядом пошли до сарая, открытого и под крышу едва успели – как грянул гром ужасный и молния рядом сверкнула, и опять гром. Я тогда боялся ему слово сказать, а он пояснил, что мусор в овраг выкинуть отходил из сарая. Там хранилище колхозное было на краю их деревеньки, а он присматривал за ним, как сторож.

– Это бывает, глюцинации, наверное, – сказал один из молодых пастухов.

– Вот ведь, слово нашел какое-то умное, – бывает, говоришь, – сказал старик немного обиженно. – А вот я про Колдуна что знаю... Это лет 50 назад было...

И рассказал нам старик историю, известную только старикам и старухам, которые жили в те времена сразу после войны с немцами.

«Тогда, в 43 году, немцев разбила красная армия Советского Союза, а они, убегая из наших краёв, прятали свои награбленные богатства, зарывая их в землю. И вот после войны Колдун нашел клад немецкий, – в нём были украшения – серьги, брошки, и еще зубы золотые от убитых немцами людей. А кто колдовством живёт, кто злое дело для людей помышляет, – к тому же и зло то вернется, тому и воздастся злом за зло!

Вот Колдун продавал золотишко свое, ездил в город. Но его арестовали, допрашивали, но ничего он не сказал. Отсидел он в лагерях и вернулся в шестидесятые уже годы. Клад свой

он опять достал, видимо, потому что построил себе домину, и всё-то у него было – сараи и хлев большой и скотины завел много, а где деньги брал – вопрос.

Но видимо он торговал только теми драгоценностями, которые не были ещё сильно проклятые. А когда дело дошло до зубов от мертвых людей, вот тут его «инфаркт» и поймал. Так и нашли его около печи, в которой он зубы золотые в сковородке переплавлял, хотел слитки потом продавать. Вот тебе и на! На чужом горе счастья не построишь! Богатством неправедным счастлив не будешь! – так в Библии написано».

– А уж каким он был смолоду! – вспоминал старик. – Всё молчал и молчал, да на всех косо глядел. Всё словно дулся и пыжился, как петушок перед курицею. А чтоб он в церковь пошел, или на улицу с ребятами гулять – никогда. И выпивать с мужиками не выпивал, всё больше один сидел или даже со старухами разговаривал о травах всяких. Он и лечить мог людей, и помогал было многим. А я так замечаю: если какой человек из мужиков всё молчит, да старушечьими делами занимается и в одиночку живет всё, – хорошего мало. Вот ведь узнали о нём после смерти, какой его грех-то гложил, – клад немецкий... Не в золоте счастье. – резко завершил свою речь старик.

Рассыпавшись в тихом воздухе пронесся глухой звук. Что-то вдали гроыхнуло, словно ударился камень о камень и эхо ахнуло вдаль: «тах! тах! ах! ах!». Когда звук замер, старик вопросительно поглядел на меня, равнодушного.

– Это на ферме колхозной что-то упало, – сказал я, подумав.

Летом светало рано. С востока Млечный путь бледнел и мало-помалу таял, как снег, теряя свои очертания. Небо становилось опять хмурым и мутным, когда не разберёшь, чисто оно или покрыто сплошь облаками, и только по ясной полоске на востоке и по кое-где уцелевшим звёздам поймёшь, в чём дело.

– Да, – сказал я, прощаясь, – близок локоть, да не укусишь... Кто знает в чём оно счастье то!/? Кто как ведь понимает.

Повернувшись лицом к молодым пастухам и глядя на них, я сказал:

– Так вот и умрёшь, не повидавши счастья. Кто помоложе, может, и дождётся, а нам уж и не думать... —

Старик встал и пожал мне руку на прощание.

Часть 2.

Деревенька наша соединилась уже с соседней. Строились дома от пруда, расположенного посередине нашей деревни Макаровка, к краю ближней деревеньки с названием Старая. Молодые пары в обеих деревнях строились с обеих сторон переулка этого, тем самым приближая деревеньки друг ко другу.

Так случилось, что Старая совсем перестала существовать и Макаровка выросла, за счёт прилепившейся через новую улицу соседской деревеньки. Наш дом стоял третьим снизу на спуске к реке, остальная деревня тянулась на пригорок и протянулась по нему до самого поля, где всегда сеяли овёс.

Жил я в деревне всё свое детство, пока не окончил три класса начальной школы. А потом родители забрали меня в город. Только летом я был в деревне, почти все два месяца каникул, июль и август, так как принято было, в первый месяц, июнь, отправлять меня в лагерь по путёвкам, которые выделяли родителям на работе профсоюзы. И помню я деревенскую жизнь с хорошей благодатной стороны. Походы на реку, купание и рыбалка, походы в лес за ягодами и за грибами...

Конец рассказа.

Счастье и несчастье

– Время, 2) собственная природа (тело), 3) необходимость, 4) случайность – вот, те первичные элементы. Но только благоприятные или неблагоприятные их сочетания становятся причиной Счастья, или несчастья.

Древнеиндийские этико-философские трактаты «Упанишады», что в переводе означает – «сокровенное знание», на протяжении 2300 лет являлись комментариями к текстам «Вед», древнейших священных книг.

Так в тех книгах определялось Счастье.

В своем полном объеме Счастье – есть наивысшее наслаждение, к которому мы способны, а несчастье – наивысшее страдание.

И счастье или несчастье человека в основном является делом его собственных рук.

Это мысли древних людей. – «У каждой добродетели есть родственный порок; также у каждого наслаждения есть соседствующее с ним бесчестье. Поэтому необходимо отчётливо провести разделяющую черту, и лучше на целый метр не дойти ближе и остановиться, нежели зайти за черту хотя бы на миллиметр. Так у лжи постоянная спутница – хитрость».

Нет огня большего, чем страсть; нет беды большей, чем ненависть; нет несчастья большего, чем болезни тела; нет счастья лучше – ровного спокойствия.

Если счастье достигается благодаря мучениям ближних или отвращается таким же образом беда – то счастья в результате не достигнуть и так не стоит поступать.

Как вывод небольшой: мы видим, что и в древности все знали, что непростое это дело – счастья достигнуть.

А вот, учение древних из важной части буддийского канона «Стезя добродетели» – «Дхаммапада»:

«Несотворение зла, достижение добра, очищение своего ума – вот учение просветлённых».

О, мы будем жить очень счастливо – (когда мы) не враждующие среди враждующих, здоровые среди больных, не томящиеся среди томящихся, хотя у нас нет ничего. Мы будем питаться радостью, как спящие боги.

Победа порождает ненависть; побежденный живет в печали. В счастье живет спокойный, отказавшийся и от побед, и от поражений».

Но это мнение монахов, скорее, буддийских, а люди монахами быть не желали и счастья искали в другом.

Древнегреческие мудрецы тоже звали к разумности по-своему:

«В счастье будь умерен, в несчастье разумен» – советует тиран (правитель) Коринфа Периандр.

Пресыщение рождает наглость, когда человеку дурному выпадает на долю счастье и когда человек этот не обладает здоровым умом.

«В счастье не следует быть чрезмерно самоуверенным, а в беде не следует терять уверенности» – сказал ещё Клеобул, тиран родосского города Линдоса.

Гераклит Эфесский подытоживает: если бы счастье заключалось только в телесных удовольствиях. Мы бы назвали счастливыми бычков, нашедших горох для еды.

Уже в Средние века люди видели счастье совсем в другом – в «радости». «Учись находить радость – вот наилучший способ привлечь счастье» – примерно так.

Церковь довлела над людьми в Средние века и конечно проповедовала по-своему: «Счастье состоит главным образом в том, чтобы мириться со своей судьбой и быть довольным своим положением» – смирение было эталоном для людей в проповедях церковных.

«Счастье зависит от нашего мнения о вещах. Ибо в жизни человеческой всё так неясно и так сложно» – понимали некоторые философы средневековья – «что здесь (на земле) ничего нельзя знать наверняка... А если знание порой и возможно, то оно нередко отнимает радость жизни (не радуется)» – Эразм Роттердамский.

И тут же мудрецы разумно рассуждали:

«Искусство быть счастливым. Есть для этого немало рецептов, но не всякий годится для мудреца. Успеху может способствовать предприимчивость. Одни с беспечным видом становятся у врат Фортуны и ждут, пока возьмется за дело она. Другие умней – дерзко пробиваются вперёд и действуют, полагаясь на собственные силы, ибо на крыльях доблести порой удаётся настигнуть счастье и подольститься к нему. Но, правильно рассуждая, нет лучшего пути, чем путь добродетели и усердия, ибо нет высшего счастья, чем благоразумие, как и худшего несчастья, чем неблагоразумие».

Но как сказал тот же Шекспир: «Счастья целиком без примеси страданий не бывает!».

«Блажен, кто смолоду был молод,

Блажен, кто вовремя созрел...

А счастье было так возможно,

Так близкО!» —

писал ещё Пушкин в свое время, —

«На свете счастья нет,

Но есть покой и воля...».

А наш философ Белинский мудро рассуждал:

«Если бы вся цель нашей жизни состояла в нашем личном счастье, а наше личное счастье заключалось бы только в одной любви, тогда жизнь была бы действительно мрачною пустынею... Но хвала вечному разуму, хвала попечительному промыслу! Есть для человека и ещё великий мир жизни, кроме внутреннего мира сердца. – мир исторического созерцания и общественной жизни». – То есть счастье виделось не в личном. Но в общем – устройство общества, деятельность на благо многих других.

И ближе к нам и к нашим временам, что знаем мы о том же, что такое счастье?

Если людям, страдаемым глубокой тоской, улыбается счастье, они не умеют скрыть этого: они набрасываются на счастье, словно хотят сжать его в объятиях и задушить из ревности. Если тебе выпало счастье жить в мире ума, какое безрассудство – искать доступ в страшный, полный криков мир страстей. – Неожиданно разбогатеешь, например, человек неудержимо тратит всё на игру, на другие развлечения и теряет своё богатство, оставшись снова «у разбитого корыта».

Если когда-нибудь, гоняясь за счастьем, вы найдёте его, – то вы, подобно старику, искавшему свои очки, обнаружите, что счастье было всё время у вас на носу. И не надо было никуда ходить – ехать или убегать.

Счастье не перестает быть счастьем, даже когда оно кратковременное, также как мысли и Любовь не лишаются своей ценности из-за того, что они кончаются.

Нужно научиться быть счастливым в минуты отдыха, когда помнишь ещё о том, что ты живой и здоровый, – а не в минуты бурной жизнедеятельности (на бегу), когда об этом забываешь в делах и страстях.

Счастливы те, – кому годы труда отпущены в большей мере, чем годы поисков и ожиданий! Счастливы те, кто в конечном счете сможет отдать себя по-настоящему и без остатка!

Говорят, счастье скучно, но это потому, что скучные люди нередко бывают очень счастливыми, а люди интересные и умные умудряются отравлять существование и себе, и всем вокруг.

Счастье – не какой-то божий дар, а достижение, какого человек добивается своей внутренней плодотворностью.

Величайшее и самое продолжительное счастье проистекает из высшей человеческой деятельности, которая сродни божественному. То есть деятельности разума, и в той мере, в какой человек имеет в себе некий божественный элемент, он будет осуществлять такую деятельность.

Так что счастье – это очень сложное понятие и у каждого человека оно своё и только ему принадлежащее.

Конец.

Надежда

Все люди живут надеждами, каждый надеется найти своё счастье в жизни.

Беспредельная надежда и энтузиазм – это главное богатство молодежи. Именно в юности человеческое сердце переполняют надежды на будущую жизнь, мечты о прекрасной жизни влекут молодых к свершениям.

И бывает надежда лекарством для уставшего тела в старости. Душа пожилых полнится надеждой на своих потомков, надеются пожилые на своих учеников, на своих детей.

Молодость полна сумасбродства, и именно у лихих и предприимчивых большие надежды. А у заурядности, смирившейся со своей жизненной долей никакой надежды и нет.

Надо иметь мечты, надо иметь надежды. Человек всегда только и живет надеждой; и нельзя её терять, ни при каких обстоятельствах. Надежда, по сути, его единственная способность, не дающая погибнуть в этом сложном мире.

«Мы живем, потому что Надежда обращается к Памяти, и обе нам лгут» – пессимистически высказывался поэт Байрон. Но взглянув на его биографию, мы можем увидеть, что Надежда в его жизни была.

Он провел трудное детство и воспитывался в простоте деревенских нравов. Всю жизнь он терпел материальную скудность. В 10 лет потерял своих родственников. До взрослых лет он почти ничего не имел и потому был обижен на жизнь и писал свои поэмы, давая резкие отповеди своим критикам. Герои его поэм – изгои, вставшие на путь мести своим врагам («Гяур», «Корсар», «Абидосская невеста», «Лара», «Осада Коринфа», «Паризина»). Байрон наделял своих героев теми же чертами характера, что и свои, только с более ярко выраженным трагизмом, презрением к власти и церкви. Надежда его проявилась в борьбе с властью над страной. Он вступил в освободительное движение в Греции против османского ига. В войне он видел надежду, что после победы построится общество лучшее. И он был настолько активен, что возглавил отряды разрозненных греческих партизан. И умер он на войне, в военном лагере у стен осажденной крепости врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.